

11 апреля, среда, утро.
Округ Юма, Аризона, США

Дорога, пыльная и жаркая, тянулась опустевшей венной через мертвое тело этого мира. Недавно здесь ездили машины, катили трактора и фермерские грузовики, проезжали скул-басы, отвозя детей из крошечных городков в школу и забирая их оттуда, а теперь все замерло. Сама жизнь ушла из этих мест, уступив свое место Смерти.

Странно, что сейчас этот мертвый мир умудрялся выглядеть таким праздничным. Мало что сравнится по красоте с аризонским утром, когда огромное жаркое солнце поднимается из-за холмов, окрашивая их блеклые днем бока в яркий розовый цвет. И так празднично, ярко начинается новый день, что поневоле задумываешься — а для кого? Для последних людей, уцелевших, сумевших вырваться, выскочить из-под накатывающего вала живой мертвечины, спрятавшихся, запершихся в крепких местах, отгородившихся от того, что недавно было центрами местной цивилизации, милями и милями жаркой пустыни?

Наш фургон пылил через гигантский полигон Юма Прувинг Граунд по слегка присыпанной песком аккуратной асфальтовой двухполоске. Машин почти не стало, и дороги понемногу заносит песком — ничто не сгоняет его к обочинам.

Мы только что покинули берег водохранилища, ставшего главной ценностью этих засушливых мест. Там мы видели вооруженных людей, приглядывающих с блоков за дорогой, но стоило углубиться в поля — безлюдная

и мертвая пустота окружила нас. Мелькнула небольшая промзона полигона, на которой располагался последний же опорный пункт, потерялся в хвосте пыли крошечный аэродром Лагуна, и потянулись с двух сторон сначала песчаные насыпи, а потом просто кочки, поросшие сухим кустарником и травой, за которыми, впрочем, местами виднелось проволочное ограждение. Потом и оно исчезло.

Затем песчаные холмы по правой стороне начали постепенно расти и превращаться в красноватые аризонские скалы. Слева же кочки так и оставались кочками, словно отставая от правой стороны в развитии. Затем они, словно испугавшись чего-то, резко отскочили в сторону — дорога вынесла нас в поле, но новые холмы и скалы уже громоздились на горизонте, постепенно надвигаясь на наш одинокий белый фургон. Затем опять, словно передумав исчезать, начали расти скалы справа и вскоре превратились в «Короля Аризоны» — скальный массив Кофа, увенчанный Сигнальным Пиком, возвышающимся над Палм-Каньоном.

Потом вновь тянулись поля с вышками опор высоковольтной линии, опять скалы, все краснее и круче, показался массив Гранитных гор слева, а за ним — светлые домики маленького, но при этом широко раскинувшегося городка. Первую полусотню километров пути мы отмахали меньше чем за час — ехал я медленно и аккуратно, стараясь максимально экономить бензин.

— Где мы? — чуть оживившись, спросила молчавшая до сих пор Дрика — худенькая, скорее даже тощая, молоденькая голландская художница, которую я подобрал в Юме, застрявшей в чужом доме в окружении бродящих вокруг оживших мертвецов. Спас, и она решила присоединиться ко мне в моем вояже до Европы.

Сейчас она сидела справа, экипированная как заправский боец, и сжимала в руках армейский карабин М-4 с полуторакратным оптическим прицелом, причем сжимала уже вполне сноровисто.

— Это Кварцсайт, — сказал я, — маленький городишко на старой кварцевой шахте. Здесь повнимательней, пожалуйста. Объезда вокруг него нет, придется чесать через весь город.

Когда я планировал свой маршрут, то выбирал по принципу «ни одной центральной дороги». Но в такой планировке был и минус — второстепенные дороги редко огибают населенные пункты, придется всегда прорываться через самый их центр.

С двух сторон показались почти пустые трейлерные парки, Аройос и Ла Меса, заставившие немного напрячься — памятни нам всем «трейлершики» из окрестностей Юмы. Но там было безлюдно, а затем дорога разбежалась в четырехполоску, перемахнула по путепроводу через Интерстейт 10 и решительно рванула к городу, превращаясь из шоссе в центральную улицу.

Затем слева показались обугленные останки заправки «Шелл» и еще пары зданий за нею, судя по оставшейся и уцелевшей вывеске — какой-то харчевни и еще чего-то. Там были зомби, несколько бестолково топтавшихся на месте, но вообще окрестности не поражали изобилием живой мертвечины. А живые, как я думаю, должны были отсюда смыться — своей воды здесь не было. Скважины имелись, не без того, но кто будет качать из них по всем домам?

Мелькнули домики — мы проскочили жилой район, затем вновь увидели трейлерный парк, уже туристический. Здесь вообще всегда было много туристов, приезжавших посмотреть на те же старые шахты, скалы, пустыню, проникнуться духом Дикого Запада. Собственно говоря, именно туристами городок Кварцсайт последние десятилетия и жил.

Но люди все же нашлись: стоило нам покинуть пределы населенного пункта, как впереди, слева от дороги, показалась мачта с обвисшим американским флагом, возвышающаяся из-за кучи мешков с песком. За мешками виднелось широкое одноэтажное здание с воротами

вроде гаражных и небольшими окнами. На его фронто-не была надпись «Пожарный департамент Кварцсайта». Большая стоянка вокруг него была оплетена каким-то невероятным количеством рядов колючей проволоки, в которой застряло несколько человеческих тел — наверняка мертвяки пытались перебраться. За мешками стоял часовой с винтовкой, следивший за нами, но никакой враждебности не проявлявший.

Затем дорога опять собралась в две полосы, слева мелькнула еще одна территория, заплетенная колючкой, за которой виднелась техника национальной гвардии и, главное, телевышка. Вот откуда, оказывается, до сих пор идут передачи на коротких волнах. Молодцы, укрепились. Я даже побибикал приветственно, но оттуда никто на это не отреагировал — ни взмахом руки, ни даже выстрелом.

Пейзаж поначалу было немного изменился в лучшую сторону — сухой кустарник и траву разбавили редкие, но большие и раскидистые деревья, больше всего напоминающие акацию. Наверное, акация это и была, я в ботанике не то что дуб дубом, а вообще ноль. А затем эта лафа быстро свернулась, и нас окружила самая классическая, песчаная и плоская, как стол, пустыня с редкими пучками какой-то колючки, кое-где пробивающейся из песка.

— Где мы сейчас? — вновь спросила Дрика.

Чуть пригнувшись, чтобы не бликовало, я глянул на плоский экранчик навигатора и ответил:

— К Паркеру приближаемся. Называется это городом, но вообще деревня деревней. Там направо свернем, на семьдесят вторую. К счастью, сам городок в стороне остается.

Дрика чуть помолчала, затем сказала:

— Очень странно в такой пустоте ехать. Словно во сне. Знаешь, такие страшные детские сны, когда ты просыпаешься — и не можешь никого найти и понимаешь, что осталась совсем одна. Мне часто такие снились.

— А мне никогда, — усмехнулся я. — У меня кошмары в детстве были всего раза два, и оба раза на один сю-

жет — в моем дворе из-за угла выходит мужик с совершенно синей, словно покрашенной, мордой. Я начинаю над ним смеяться, а он вдруг как кинется на меня, молча совсем. Я бежать — а ноги словно приросли.

— А дальше?

— Дальше орал во весь голос и от этого просыпался, все как подобает.

— А я после своих снов всегда плакала до утра. Но тихо — страшно уже не было, просто очень грустно и себя жалко.

— Мне себя всегда жалко, — сказал я. — Особенно когда голодный.

Она не сразу поняла шутку, затем засмеялась, тряхнув головой так, что прядки светлых волос хлестнули по глазам. Каждый раз, как это вижу, щурюсь, словно это мне попало.

Вскоре показался обещанный поворот, ничем не примечательный, и мы вывернули на дорогу номер семьдесят два. Проехали по ней немного, и вскоре нам попался одинокий мертвяк, бредущий вдоль белой осевой, которого мы просто аккуратно объехали. В зеркало я увидел, как он рванулся за машиной, запутался в своих ногах и свалился. Тупой совсем, остальные из их «племени» вроде как помнели уже. Интересно, что это его в пустыню занесло?

Загадка разрешилась, возможно, примерно через километр — на обочине дороги стоял старый «Шевроле Каприче», по которому кто-то неслабо пострелял, а салон был весь забрызган кровью. Не удержавшись, притормозил, чтобы разглядеть подробности.

Машина была пустой, багажник открыт, а заодно почему-то и капот, из салона вели кровавые следы в обратном направлении, быстро превращающиеся в бурые пятна и сходящие на нет. Кровь не была свежей — не сейчас убили водителя. Да и тот мертвяк, которого мы видели, успел начать разлагаться.

Вывод последовал нерадостный: на неприятности с людьми можно нарваться не только на основных трас-

сах, но и на самых заштатных. Надо повнимательней. Не знаю, что тут случилось, но мне это не понравилось.

Мотор рыкнул чуть громче, пришпоренный педалью газа, и тяжелый фургон начал набирать свои законные пятьдесят миль в час — я принципиально не разгонялся быстрее, ограничивая скорость круиз-контролем, чтобы даже искушения не было. Очень уж велик соблазн гнать по совершенно пустынной дороге, но бензина в результате изведешь великое множество и — самое главное — рискуешь не заметить какую-то проблемку вроде лежащего поперек бревна за поворотом. За дорогами-то уже давно следить перестали, так что риск влететь во что-то очень и очень велик. И техничку с эвакуатором не вызовешь.

Дрика явно напряглась, без всяких моих напоминаний, ее светло-голубые глаза начали обшаривать и горизонт, и окрестности с утроенным вниманием. Это хорошо, полезно, пусть в тунусе будет. Глядишь, и заметит что важное.

— Боус впереди, — сказал я, указав рукой на очередную кучку светлых домиков с чахлыми кустиками между ними, широко разбросанных по плоской песчаной равнине.

— Боус? — не поняв, переспросила девушка.

— Городишко маленький, тоже на туристах жил, — пояснил я. — Там вроде шахтерского лагеря что-то осталось, вот и катаются посмотреть. В общем, все эти шахты и резервации — это и есть вся история в этих краях. После него опять пустыня километров на двадцать и развилка с шестидесятым шоссе.

— Интересно, как здесь с зомби? — спросила она.

— Думаю, что если у людей на плечах была голова, а не футбольный мяч, то должны были отбиться. Отсюда до любого крупного населенного пункта далеко, да и маленьких вокруг почти нет. Так, деревеньки и отдельные фермы.

Она лишь кивнула, ничего больше не сказав, и дальше мы катили в полном молчании, только груз у нас за спи-

ной иногда негромко побрякивал на неровностях шоссе. Я еще подумал, что на привале следует кое-что проложить картонками, которых я набрал с собой немало как раз для такой оказии.

Вскоре справа на горизонте возникла гора почти правильной конической формы, затем вдоль шоссе протянулись лежащие на столбах жерди коралля для лошадей, а потом показались привычные светлые дома городка. И не просто дома, а дома, возле которых виднелись люди, и не просто люди, а вполне обычные и нормальные с виду, даже дети играли, правда чуть поодаль, да еще и под присмотром компании из трех мужиков в стетсоновских шляпах и с винтовками в руках, которые пристроились, как уже стало принято, в кузове грузовика, под тентом от солнца.

Хоть это и называют здесь городками, на городок местечко никак не тянет — деревня и в Аризоне деревня, как ее ни назови. В таких населенных пунктах по несколько сот жителей живет, тысячи обычно не набирается — как это городом называть? А вообще места здесь мормонские, если дальше проехать, то между Венденом и Саломе наткнешься на Сентенниал Парк — чуть ли не главную молельню мормонов в Америке, основанную еще в конце девятнадцатого века. Там и религиозные школы для детей, и проповедники завывают про «Иисус нас любит» и так далее. А при этом парке еще и община проживает — вроде сверхрелигиозной секты среди самих мормонов, — у них там и многоженство, и все прочие радости. Весело, в общем.

— Попробуем пообщаться? — спросил я у Дрики, скидывая скорость.

— Не знаю, — ответила она. — Давай.

Фургон плавно остановился у обочины, слегка скрипнув тормозами. Наступила тишина, нарушаемая тихими щелчками горячего двигателя.

— Посиди здесь, — сказал я Дрике, выбираясь из кабины.

— Может, я пока за руль? — спросила она. — Заодно и подмену.

— Давай.

Ни карабина, ни ружья я решил не брать, демонстрируя дружелюбие. Достаточно было и пистолета в кобуре. Направился я к мужикам в кузове, глядящим на меня спокойно и немного настороженно. Все средних лет, упитанные, задастые, пузатые и мордатые, в шляпах и темных очках. Винтовки у всех болтовые, с оптикой — разумно: если какая тварь и появится здесь, то видно ее будет издалека.

Пока к ним шел, из-за машины вышла еще и тетка, безоружная правда, но в толщину так даже и посолидней. И лицо как у мужика — любителя пива.

На мое приветствие ответили сдержанно, никакого дружелюбия не проявляя, равно как и враждебности. Просто в глазах читалась мысль: «Иди куда шел». Точно, мормоны.

— Мы с дочерью проездом, — сказал я, сразу отмечая возможные подозрения этих слуг Господа. Теперь они меня, как грешника из остального, не мормонского мира, могли разве что в инцесте обвинить.

— Какие-то проблемы? — спросила женщина, задумчиво пожевав губами.

— Нет, — ответил я, повернувшись к ней. — Нам просто ехать далеко, вот и хотел спросить — что дальше на дороге происходит?

— До Вендена все спокойно, — ответила она. — А что дальше — мы не знаем, никто из нас туда не ездит. А вы далеко?

— В Техас. В Порт-Артур, — решил не врать я, а если врать, то не на каждом слове. — Там наша семья.

В глазах женщины промелькнуло нечто напоминающее оттенок сочувствия. Она спросила:

— День Гнева Божьего вас разделил?

Я чуть сбился на непривычном термине, но сразу сообразил, что так они называют день прихода Большого

Песца. Мы-то все так, по-индейски-тотемному, это кличем, а они во как, по-христиански.

— Верно. Мы оказались в Юме, а остальные — там.

— Они живы? — на мой взгляд, бесцеремонно спросила она.

— Были живы, пока была связь. Они с родственниками в крепком месте, у них есть оружие и еда.

— Помоги им Всевышний, — совершенно машинально сказала женщина. — Долгий путь.

— Долгий, — согласился я, умалчивая, насколько он на самом деле долгий. — Вот и стараемся ехать аккуратней.

— Были бы рады помочь, но наши братья не ездят дальше Вендена по шестидесятому шоссе, — повторилась она. — В Агиле уже грешные живут, там прошлась Десница Его, подняв мертвых и отправив их карать живых. Что сейчас в тех местах — я не знаю. Проезжайте осторожно.

— А банд в ваших краях не было?

— К нам никто не суется, — пожалала она толстыми плечами. — Здесь не бывает чужих, и по шестидесятой дороге посторонние не ездят. До Вендена точно банд не будет.

Это верно. Есть федеральное восьмое шоссе, все проезжие стараются кататься по нему, новому и широкому, а шестидесятое — потрепанная двухполоска, сюда мало кто суется. Да и чего соваться? Местные мормоны даже не совсем мормоны, а ортодоксы, они даже своих братьев по вере полагают грешниками, что уж говорить о всех остальных? Тем более что религиозность у мормонов всегда удачно сочеталась с любовью ко Второй поправке¹, то есть право владения оружием они поддерживали всегда. Оно помогало им отстаивать духовные ценности. Хотя... была бы в России такая поправка — я бы ее тоже поддерживал. Всеми руками. И ничего религиозного.

¹ Вторая поправка к Конституции США закрепляет право на свободное владение оружием гражданами страны (по факту — резидентами штатов, что немного другое).

— Спасибо, — поблагодарил я. — Удачи вам.

— Храни вас Господь, — сказала тетка и неожиданно спросила вдогонку: — У вас есть еда или другие припасы? Если нуждаетесь, то мы можем помочь.

— Спасибо, но мы хорошо запаслись в дорогу, — ответил я.

Мужики в кузове за время разговора так рта и не раскрыли, только внимательно слушали весь разговор, не проявляя ровно никаких эмоций. Как телевизор смотрели. Когда я пошел обратно к фургону, то спинным мозгом чувствовал взгляды, упертые мне в спину. Не злые, не враждебные, а Праведные. По крайней мере, те, кто глядел, в этом были уверены на сто процентов.

— Сиди за рулем пока, — сказал я Дрике. — Говорят, что до Агилы точно никаких приключений не ожидается. Тут мормонские края, у них все под контролем.

— Мормоны? — чуть удивилась она. — А я думала, что они все в Юте.

— Ну до Юты отсюда рукой подать, собственно говоря, — ответил я, усаживаясь справа и вытаскивая из крепления карабин, — так что мормонов здесь хватает. К тому же в Юте живут мормоны все больше обычные, каких большинство, а сюда перебрались «верные из верных», для которых те мормоны — грешники.

— А как насчет многоженства?

— Процветает, — ответил я. — Как раз в этих краях.

— Все мужчины?

— Нет, кажется, на всех жен не напасешься. Но многие.

Фургон вновь набрал свою не слишком большую скорость и продолжил процесс наматывания серой асфальтовой ленты шоссе на колеса. Опять с обеих сторон потянулась пустыня, уже утомляющая своей серо-желтой однообразностью.

— А что за Агила? — спросила Дрика чуть позже.

— Граница мормонских владений. Они туда ездят редко. А вообще, насколько я помню, даже не го-

родок, а что-то вроде компактного собрания кучек ферм. Справа от дороги будет сам городок, а слева — поля.

— И что выращивают?

— Дыни, кажется. Любишь?

— Очень, — кивнула она. — А ты?

— Терпеть не могу, если честно. С детства.

— А почему? — удивилась Дрика. — Вкусно же.

— Кому как, — пожал я плечами. — Ты от дороги не отвлекайся.

Несмотря на утверждения мормонов о том, что злодеи на этом отрезке пути не водятся, я все еще находился под впечатлением от зрелища расстрелянного вдрызг «Шевроле». Кто-то же это сделал, и совсем отсюда недалеко.

Два следующих мормонских городка мы проехали спокойно, хотя на восточном выезде из Вендена было некое укрепление из бетонных блоков, в котором мы видели людей в шляпах и бейсболках. А дальше снова потянулась унылая пустыня, и так километров на тридцать, не меньше. Опять ехали молча, лишь рация, воткнутая в держатель на панели, ловила время от времени чьи-то непонятные переговоры, да навигатор женским голосом извещал, сколько осталось до следующего поворота. Пока до него было далеко, дорога тянулась прямая, как струна, разрезая пыльное тело пустыни.

Агила показался из песков неожиданно, ровно в тот момент, как навигатор блынкнул сигналом о том, что мы проехали двести пятьдесят километров, — я настроил его на метрическую систему, потому что местные майлы так и не научился воспринимать нормально: всегда их мысленно в километры пересчитывал. Показался сборный домик с небольшим крыльцом, за ним еще один, с навесом и стенами, облицованными декоративными панелями под дикий камень. Под навесом две колонки — это заправка, на стене которой огромная надпись красной краской: «Бензина нет! В магазине ничего нет! Проезжайте мимо, если не хотите поймать пулю! Община Агила».